

Первое солнце постепенно шло вниз, и я сморщился от его ослепительного света. Теплый ветер продувал мои волосы, пока я шел вперед за своим боевым товарищем. Обуви у меня всё ещё не было, поэтому я прекрасно чувствовал и ту нагретую истоптанную землю, по которой сотни раз пробегали детишки, которые даже тогда играли в догонялки, пока их родители, старшие братья и сестры пахали на полях.

Только несколько парней-лентяев, прохлаждавшихся в тени главной ратуши, следили за детскими играми, одним своим присутствием сохраняя безопасность хрупких детишек.

Руки были воздушными, а голова пуста – только осознание жизни вокруг успокаивало меня, пока я наслаждался теми немногими секундами незнания, что у меня остались. Голубая бабочка, пролетевшая надо мной, птицы высоко в небе, жуки под ногами – я был в гармонии со всеми ними, я был их неотделимой частью, пока мы с Гимли безмолвно следовали вперед.

Может это следствие ослабшего здоровья и болезни, но момент тянулся вечностью, и вместе с тем в голове стали проявляться какие-то потусторонние образы соответственно тому, чем ближе мы были к ней. Сердечный ритм бил в такт с нашими шагами, а нутро будто бы кричало, что нужно просто остановиться, что незнание – лучшее из благ, но даже остановившееся от кома в горле дыхание меня не останавливало и я, сквозь разворачивающееся наизнанку сознание, продолжал тихо идти вперед, стараясь не замечать очевидного.

Зубы постепенно начали дрожать то-ли от злобы, досады или бессилия, то-ли от непонятной зависти, которая постепенно разъедала сердце и, быть может, душу изнутри. Добрую часть дороги я старался удерживать на лице нежную, чем-то даже принявшую реальность улыбку, но постепенно она сходила с моего лица, меняясь на мрак, когда мы остановились около неё.

Красные маки цвели вокруг, под ногами я чувствовал мягкую траву, а высокая ива укрывала нас от солнечного света, сохраняя это сакральное место в постоянной тени.

Где-то вдалеке были слышны песни птиц, детские крики и людские разговоры, но плевать мне на них было.

Обработанный камень непоколебимым грузом лежал на её плечах, но даже он не был сделан идеально: работавший над ним мастер явно не пожалел сил на создание из булыжника чуда, но даже при этом работа была незаконченна, часть камня грубыми кусками оставалась недоделанной, а по бокам он уже успел обрасти мхом и какой-то зеленью.

—...Я не смог её уберечь.

Мы стояли над её надгробием. Прекрасным надгробием.

Ком в горле довольно быстро пропал, но говорить я всё ещё не мог, потому что был я совсем не на этом месте.

—Она ушла шесть лет назад. —продолжил Гимли, стоя подальше от меня. —Она давно уже болела какой-то хворью, кашляла что есть сил... Мы пытались её излечить, но тут уж...

После этого он продолжил что-то мне говорить, объяснять, но услышав, что он сказал сначала, я перестал обращать на него хоть какое-то внимание и в тупую смотрел на неё, пока дух покидал тело. Одновременно я испытывал и проходящий по всему телу холод, который был страшнее предсмертных вздохов, и лихорадку, которая сжигала меня изнутри, раз за разом прожигая больное сердце.

В какой-то момент Гимли сказал ещё что-то напоследок, хлопнул меня по плечу и пошел вниз с холма, где мы стояло, обратно в деревню.

А я несколькими минутами после опустился на землю, прильнув к ней горячей головой. На глазах не было слез, лицо было непоколебимым, но именно это и уничтожало меня изнутри ещё сильнее: я хотел, честно хотел закричать, хотел показать ей, что не забыл, что я чувствовал куда больше, чем показывал. Но я не мог.

Лежа в этом предсмертном состоянии, я постоянно видел одну и ту же картину.

Она и несколько человек вокруг. Невнятная словесная перепалка, удар мечом...

Никаких деталей, я не видел их лиц и не слышал чужих слов, но я видел это раз за разом, оно раз за разом всплывало в моей голове, всё чаще и чаще показывая, как клинок надвигается над её шеей, как кровь струей забрызгивает дерево неподалеку и снова, и снова она пытается выжить. И снова всё заканчивается.

«Меня там не было. Меня там не было. Меня там не было. МЕНЯ там не было», —кричало сознание, пока тело буквально стало выворачивать как после пыток огнем.

Я старался заглушить эти воспоминания, я старался забыть, я старался понять, простить, хоть что-то сделать. Но я не мог. Она вынуждала меня. Они вынуждали меня. Я сам вынуждал себя это сделать.

Голова уже перестала мыслить здраво и только первобытный инстинкт заиграл в моей голове, пока я, прилагая нечеловеческие усилия, чтобы поднять тело с земли, сказал, глядя на её надгробия:

—Я отомщу. Всем отомщу. Чего бы мне это не стояло.

И в миг тьму будто бы рукой сняло. Боль в теле стало испаряться, а сознание очистилось, пока я с открытым ртом смотрел на безымянное надгробие, стараясь унять это пламенное и очень кроважидное чувство, которое поселилось во мне после этих слов. Но я не мог, оно уже было частью меня.

Оно и было причиной, по которой я лежал около неё живым. Это чувство и было мной.

<http://tl.rulate.ru/book/58432/1511067>